
Ольга Люм
ТЧИМ
ЗАПРЕТНОЕ
ПРИТЯЖЕНИЕ
18+

Ольга Люм

Отчим. Запретное притяжение

https://litres.ru/74796029
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня подставили на работе — обвиняют в утечке данных.

Все доказательства указывают на меня, и мне грозит уголовное дело и крах карьеры.

Отчаявшись, я вынуждена обратиться за помощью к единственному, кто может справиться с такой ситуацией, — своему бывшему отчиму, Александру Волкову, холодному и циничному человеку, которого я искренне ненавижу.

— Алина, — его голос становится жёстче, — ты же понимаешь, что за эту помощь придется платить?

Мое сердце замирает. Я знала. Я знала, что это не будет бескорыстно.

— Чем? — срываюсь я на шепот.

— Обсудим.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Отчим. Запретное притяжение

Глава 1

Так, дыши, Алина. Просто дыши. Собирай мысли в кучу, как эти дурацкие кофейные зерна в столешнице из слэба ореха. Дорогой, холодный, абсолютно бесчувственный камень. Прямо как моё текущее состояние.

Меня зовут Алина Белова, мне двадцать четыре года, и моя жизнь, которую я так старательно выстраивала кирпичик за кирпичиком, превратилась в цифровое пепелище. Я — младший аналитик по кибербезопасности в «Ай-Ти Технолигикс». Звучит солидно, да? А на деле — бесконечные потоки данных, отчёты, которые никто не читает, и наивная, детская вера в то, что наш цифровой крепостной вал неприступен.

Он оказался дырявым, как решето. И главная дыра, по мнению всех окружающих, — это я.

Утечка. Колоссальная. Данные ключевых клиентов, финансовые прогнозы, чертежи нового продукта — все ушло в сеть. К конкурентам. Убытки — астрономические. Репутационные потери — невосполнимые. А сегодня утром у меня в кабинете был директор по безопасности, Станислав Вик-

торович, человек с лицом гранитной глыбы. И эта глыба дала трещину, сквозь которую сочилась ледяная, беспощадная ярость.

«Алина, система зафиксировала исходящий трафик с твоего рабочего токена в ночь инцидента. Запросы шли через замаскированный прокси, но точка входа — твой личный ноутбук. Ты была последней, кто работал с этими файлами. Объяснений нет. Есть только логи».

Логи. Эти бесстрастные строчки кода, которые вынесли мне приговор. Я ничего не делала! Я ушла в семь вечера, всё было нормально. А в два часа ночи… кто-то воспользовался моим доступом. Моим паролём. Моей цифровой личностью.

Мне «вежливо» предложили написать заявление по собственному желанию. Намекнули, что, если я не соглашусь, меня уволят по статье, с черной меткой во всех базах. А потом, скорее всего, подадут в суд. И выиграют. Потому что доказательства — железобетонные. Для них. Для всех.

И вот я сижу в этой стерильной, стеклянной коробке, смотрю на мелькающие огни небоскрёбов за окном и понимаю: я в ловушке. Меня подставили. Искусно, безжалостно. И все двери захлопнулись. Все, кроме одной. Самой отвратительной. Самой ненавистной.

Александр Сергеевич Волков. Бывший отчим. Человек, чьё имя я старалась не произносить вслух последние шесть лет. Тот, чьё присутствие в нашем доме после смерти отца я воспринимала как кощунство, как предательство памяти

папы. Он был всем тем, чего мой настоящий отец не переносил: циничным, прагматичным, с холодными, как сталь, глазами, в которых читалась только цена вопроса. Он пытался купить мою любовь дорогими подарками, которые я тут же с ненавистью швыряла в угол. Он пытался строить из себя наставника, чьи советы я игнорировала. А когда мама умерла… наши и так хрупкие отношения порвались окончательно. Мы разделили наследство молча, через адвокатов, и я вычеркнула его из своей жизни.

Он сейчас где-то там, в своём мире теневых сделок, полулегальных контрактов и связей, уходящих в самые мутные воды. Он — антипод всему, во что я верю: прозрачности, честности, технологиям. Он — паук, плетущий паутину в темноте.

А я — муха, которая в эту паутину угодила.

Я ненавижу его. Ненавижу за то, как он смотрел на маму, будто она трофей. Ненавижу за его ухмылку, когда я провалила экзамен по вождению. Ненавижу за то, что он выжил, пока все, кого я любила, умерли.

Но сейчас… сейчас у меня нет выбора. Потому что закон, система, логика — они все против меня. Мне нужен кто-то, кто играет по другим правилам. Грязным правилам.

Пальцы дрожат, когда я беру телефон. Он тяжёлый, будто отлит из свинца. Я не сохраняла его номер. Мне пришлось рыться в старых email от мамы, чтобы найти его. Тот самый номер, который она умоляла меня сохранить «на всякий слу-

чай».

«Всякий случай» наступил.

Я делаю глубокий, прерывистый вдох. Воздух обжигает лёгкие. Набираю номер. Каждый щелчок клавиши — это удар молотком по моей гордости.

Гудки. Долгие, протяжные. У меня мелькает безумная надежда, что он не возьмёт трубку. Что судьба даст мне другой шанс.

Щелчок.

— Алло? — Его голос. Низкий, спокойный, без единой нотки удивления. Будто он ждал этого звонка все эти годы.

У меня перехватывает горло. Слова комком застревают где-то в груди.

— Это… Алина, — выдавливаю я, и мой голос звучит хрипло и слабо.

Короткая пауза. Я представляю, как он откидывается в своим кожаном кресле, на его губах появляется та самая, знакомо-мерзкая ухмылка.

— Алина. Что случилось?

И в этот момент все мои барьеры, вся ненависть, вся выстроенная годами стена — рушатся. Слезы подступают к глазам, горячие и беспомощные. Я ненавижу себя за эту слабость.

— Мне… нужна помощь. Меня… подставили. На работе. Утечка данных. Все думают, что это я. Мне грозит тюрьма, — я тараторю, слова вылетают пулемётной очередью, бес-

связно, сбивчиво. Я рассказываю про логи, про токен, про Станислава Викторовича. Говорю все, что знаю.

Он слушает молча. Не перебивая. Когда я замолкаю, выдохшись, на другом конце провода — тишина. Не та, что давит, а та, что вычисляет. Я почти слышу, как шестерёнки в его голове вращаются, взвешивая риски, стоимость, выгоду.

— Успокойся, — наконец говорит он, и в его голосе нет ни капли сочувствия, только холодная констатация факта. — Никаких заявлений не пиши. Ни в чем не признавайся. Молчи. Поняла?

— Да, — шепчу я.

— Пришли мне все, что у тебя есть. Логи, письма, имена. Все. Я посмотрю.

— Хорошо.

Ещё пауза.

— Алина, — его голос становится жёстче, — ты же понимаешь, что за эту помощь придётся платить?

Моё сердце замирает. Я знала. Я знала, что это не будет бескорыстно.

— Чем? — срываюсь я на шёпот.

— Обсудим. Когда разберёмся с твоими… неприятностями. Не переживай, в тюрьму я тебя не отправлю. Договорились?

В его тоне сквозит такая уверенность, такая власть над ситуацией, от которой мне становится и немного спокойнее, и в тысячу раз гаже.

— Договорились, — повторяю я, чувствуя, как подписываю какую-то новую, невидимую кабальную грамоту.

— Жду данные.

Связь прервалась. Я сижу, уставившись в потухший экран телефона, и понимаю, что только что добровольно впустила в свою жизнь того, от кого бежала все эти годы. Чтобы спастись от одной тюрьмы, я, возможно, заплачу свободой другой. Но иного пути у меня нет.

Глава 2

Отправила. Просто скинула ему всё, что было: скриншоты переписки с IT-отделом, копии служебных записок, даже тот дурацкий мем, который Вадим из соседнего отдела прислал утром, пытаясь «поднять настроение». Отправила и почувствовала себя абсолютно пустой. Как будто я вывернула карманы своей цифровой жизни перед тем, кого презираю, и сказала: «Вот, разбирайтесь».

Телефон завибрировал почти мгновенно. Сообщение.

«Данные получил. Ничего не предпринимай. Сиди ровно. Жди. Не переживай».

И всё. Никаких «я разберусь», никаких уверений. Просто – «не переживай». И самое парадоксальное, что это сработало. Не потому, что это была какая-то особенная фраза, а потому, что это сказал ОН. Александр Сергеевич Волков.

Как бы я к нему ни относилась, я знала одну вещь с того самого дня, когда он вошёл в наш дом с двумя огромными плюшевыми медведями (он не знал, что я никогда не любила подобную инфантильщину). Он никогда не бросал слов на ветер. Если он говорил, что починит сломанный велосипед – он его чинил, даже если для этого приходилось разбирать половину гаража. Если он обещал маме решить вопрос с её больной подругой по поводу квартиры – вопрос решался. Его обещания были железобетонными, пусть и отлитыми в

подпольных цехах его сомнительных связей. Он был человеком-стеной. Стеной, которую я ненавидела за её неприступность и холодность, но в которую сейчас уперлась спиной, отбиваясь от стаи голодных псов.

Я откинулась на спинку своего слишком дорогого эргономичного кресла, купленного в порыве первой зарплаты, и закрыла глаза. Адреналин, который часами колотился в висках, начал потихоньку отступать, оставляя после себя свинцовую, смертельную усталость. В голове, наконец, воцарилась не тишина отчаяния, а просто тишина. Ожидания.

Я точно знала, что он поможет. Не из-за какой-то внезапной отцовской любви, нет. Это было бы слишком просто. Наши отношения всегда были сделкой, даже когда я была младше и не понимала этого. Сейчас эта сделка просто вышла на новый, взрослый и циничный уровень. Он поможет, потому что: во-первых, ему бросили вызов. Кто-то посмел тронуть его. Да, я вычеркнула его из жизни, но в его картине мира я, видимо, всё ещё оставалась чем-то вроде его собственности. Маркером. «Бывшая дочь» – звучит ужасно, но для него, человека, выстроившего империю на контроле, это имело вес. Тронуть меня – значит, проявить неуважение к нему. А этого он не прощал.

Во-вторых, он любил сложные задачи. А мой случай – это идеальный ребус. Технологии, корпоративные интриги, человеческий фактор. Для его изощренного ума, привыкшего к запутанным схемам и нахождению слабых мест, это было

как развлечение. Шахматная партия, где меня объявили шахом королю.

И, наконец, главное – долг. Тот самый, о котором он говорил в конце разговора. Он помогал, зная, что я буду должна. И эта неосязаемая, но невероятно тяжёлая расписка висела над моим будущим, как дамоклов меч. Он купил моё спокойствие сейчас в обмен на что-то потом. И эта мысль была одновременно отвратительной и успокаивающей. Цена была назначена. Осталось только дождаться платежа.

Я встала и подошла к окну. Ночь полностью вступила в свои права. Город сиял, холодный и безразличный. Но теперь его огни были не обвинением, а просто огнями. Где-то там, в этой паутине из бетона и света, он уже начал действовать. Я не знала, что он будет делать. Позвонит ли какому-нибудь генералу из ФСБ, с которым когда-то пил коньяк? Нанял ли хакера, чтобы тот взломал сервера компании и нашёл настоящего виновника? Или просто запугал бы Станислава Викторовича чем-то из его же тёмного прошлого? Я не знала. И мне не нужно было знать.

Я повернулась от окна, взяла свою кружку и пошла к кофемашине. Впервые за сегодня я делала что-то без дрожи в руках. Я нажала кнопку. Аппарат зашипел, заурчал, выдавая струйку черной, горькой жидкости. Я вдыхала её аромат. Он был настоящим. Осязаемым.

Мой телефон лежал на столе, тёмный и безмолвный. Но теперь его молчание было не зловещим, а рабочим. Он был

каналом связи. Линией фронта, по которой вот-вот должно было поступить подкрепление.

Я села за стол, отпила глоток кофе. Он был обжигающим и горьким. Как правда. Как осознание того, что твоя независимость, твоё гордое одиночество – всего лишь иллюзия. Что в критический момент ты с облегчением принимаешь помощь из самых грязных рук.

Я ненавидела его. Но в этот вечер, в своей стерильной стеклянной клетке, я пила кофе и ждала. И впервые за долгие годы чувствовала себя в безопасности. Потому что Александр Сергеевич Волков дал команду «не переживай». А значит, скоро гореть будет кому-то другому.

Глава 3

Всё произошло с той иррациональной скоростью, с какой рушится карточный домик. Один момент – ты сидишь в своём кресле, пытаясь сосредоточиться на бессмысленном отчёте, чтобы не сойти с ума от ожидания. Следующий – твой мир сужается до размеров лифта, а потом и до служебного кабинета, где пахнет чужим кофе и страхом.

Меня вызвали в кабинет к Станиславу Викторовичу. Я шла по коридору, и каждый шаг отдавался в висках глухим стуком. Сотрудники отворачивались, делали вид, что увлечены мониторами. Сквозь стеклянные стены перегородок я видела их украдкой брошенные взгляды – смесь любопытства, страха и… злорадства. Да, злорадства. Ведь на моём месте мог оказаться любой из них, и сейчас они с облегчением думали: «Пронесло. Спалили Белову».

В кабинете кроме Станислава Викторовича были двое. Двое в строгих, почти гражданских костюмах, но с такими позами и взглядами, которые кричали «полиция» громче любой формы. Они не представились. Просто стояли, как два утёса, а между ними – бледный, но непоколебимо твёрдый Станислав Викторович.

– Алина Сергеевна, – начал он, и его голос был холодным и ровным, как лезвие. – К сожалению, ситуация перешла на новый уровень. Представители органов предварительно-

го следствия имеют к вам вопросы. Серьёзные вопросы. Мы, как компания, вынуждены сотрудничать с правосудием.

Один из «утёсов», тот, что постарше, с лицом, источающим профессиональную усталость, сделал шаг вперёд.

– Белова Алина Сергеевна, в отношении вас возбуждено уголовное дело по статье 272 УК РФ – неправомерный доступ к компьютерной информации, повлёкший тяжкие последствия. Вы имеете право на адвоката. Всё понятно?

Мир накренился. Пол ушёл из-под ног. Я услышала эти слова – «уголовное дело», «тяжкие последствия» – и почувствовала, как кровь отливает от лица, приливая к ногам. Они казались ватными.

– Я… Я ничего не делала, – выдавила я, и мой голос прозвучал жалко и неубедительно, даже для меня самой.

– Это мы и выясним, – парировал второй, помоложе. В его глазах читался неподдельный интерес. Я была для него не человеком, а делом. Очередным пазлом в его карьере.

И тут начался самый страшный момент. Тот, который я тысячу раз видела в сериалах, но который в реальности оказался в тысячу раз унизительнее и страшнее. Старший достал из кармана плоские, холодные, стальные наручники. Они глухо брякнули, и этот звук прорезал всю шелуху оцепенения.

– Руки за спину, пожалуйста.

Это была не просьба. Это был приказ. В глазах потемнело. Я почувствовала, как по спине бегут мурашки. Сейчас. Сей-

час это произойдёт. Меня в наручниках поведут через весь офис, мимо коллег, мимо Вадима, который вчера шутил про мемы… Это будет публичная казнь. Конец. Даже если потом докажут невиновность, ярмо «её водили в наручниках» останется со мной навсегда.

Я машинально, в состоянии ступора, отступила на шаг, прижалась спиной к стене. По щекам текли горячие, беспомощные слёзы. Я ненавидела себя за эти слёзы, но не могла их остановить.

– Пожалуйста, не надо… – прошептала я, глядя на Станислава Викторовича, в отчаянной надежде, что в нём проснётся что-то человеческое.

Но он смотрел мимо меня, в окно. Его лицо было маской.

Младший оперативник взял меня за локоть, не грубо, но твёрдо.

– Не усложняйте.

И в этот самый момент, когда сталь уже почти коснулась моих запястий, дверь в кабинет распахнулась.

Она открылась не резко, не со стуком, а с таким спокойным, уверенным шипением автоматического доводчика, будто так и было задумано. В проёме стоял человек.

Он был невысокого роста, в идеально сидящем тёмно-синем костюме, от которого веяло такой дорогой простотой, что она была красноречивее любого кричащего бренда. В руках – тонкий кожаный портфель из кожи цвета вороньего крыла. Его лицо было моложавым, но в глазах стояла такая

глубокая, бездонная усталость и знание, что ему можно было дать и сорок, и пятьдесят. Он вошёл так, будто всегда был частью этой сцены.

Все замерли. Оперативник с наручниками застыл с полураскрытыми «браслетами» в руке.

– Извините за вторжение, – произнёс вошедший. Его голос был тихим, ровным, без единой нотки напряжения, но он заполнил собой всё пространство кабинета, вытеснив прежнюю гнетущую атмосферу. – Меня зовут Артём Игоревич Соколов. Я адвокат Алины Сергеевны Беловой.

Он подошёл ко мне, и его взгляд скользнул по моему лицу, по следам слёз, но в нём не было ни жалости, ни осуждения. Был только холодный, профессиональный анализ. Он мягко, но неотвратимо встал между мной и оперативником, слегка оттеснив того своим корпусом. Это был не агрессивный жест, а просто утверждение нового порядка вещей.

– Прошу прощения, коллеги, – он обратился к оперативникам, называя их коллегами, что прозвучало и вежливо, и слегка снисходительно. – Я только что ознакомился с материалами, предоставленными в рамках досудебной проверки. Пока, насколько мне известно, постановление о задержании как мере пресечения вам не выносили? Или я что-то упустил?

Старший оперативник нахмурился, наручники всё так же замерли в его руке.

– Гражданка Белова задерживается в порядке статьи 91

УПК РФ. У нас есть основания.

Глава 4

– Гражданка Белова задерживается в порядке статьи 91 УПК РФ. У нас есть основания.

– Основания подозревать? Безусловно, – кивнул Соколов, и в его тоне появились нотки лёгкой, почти незаметной иронии. – Но основания для применения меры пресечения в виде заключения под стражу, да ещё и в такой… театрализованной форме, – его взгляд на секунду задержался на наручниках, – я что-то не вижу. Потерь нет? Следов сокрытия? Прямой угрозы обществу она не представляет? Верно?

Он не ждал ответа. Он достал из портфеля стопку аккуратно сложенных бумаг.

– Вот моё удостоверение. Вот доверенность. А вот – мотивированное ходатайство об отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и проведении всех следственных действий с моим участием. Основания? Полагаю, вы их знаете: положительные характеристики, отсутствие судимостей, постоянное место работы и жительства. Моя подзащитная никуда не скроется. Она, в отличие от некоторых, заинтересована в скорейшем и объективном расследовании.

Он говорил негромко, но каждое его слово било точно в цель. Он не спорил, не кричал. Он просто излагал факты, облекая их в такие юридические формулировки, которые, казалось, лишали моих обвинителей всей их власти. Он был

мастером, пришедшим на любительский бой.

Старший оперативник медленно убрал наручники в карман. Звук, с которым они скрылись в складках его пиджака, был для меня симфонией.

– На момент оформления протокола адвоката у неё не было, – пробурчал он, но уже без прежней уверенности.

– Теперь есть, – улыбнулся Соколов. Улыбка была холодной, как зимнее солнце. – И все процессуальные действия мы будем проводить строго в рамках закона. Я настоятельно рекомендую вам пересмотреть свой подход к моей подзащитной. Любые попытки давления будут мной расценены как нарушение её прав и оспорены в установленном порядке.

Он повернулся ко мне.

– Алина Сергеевна, вы свободны. На данный момент. Вам предстоит дать объяснения, но это мы сделаем в более спокойной обстановке. Сейчас пройдём со мной.

Он взял меня под локоть, так же как минуту назад это сделал оперативник. Но его прикосновение было совсем другим – не сковывающим, а поддерживающим. Он вёл меня не как преступницу, а как клиента.

Мы вышли из кабинета. Десятки глаз снова уставились на нас. Но теперь это был не взгляд на осужденную. Это был взгляд на загадку. На ту, за кем пришёл Человек в Синем Костюме и вывел её из логова волков.

Мы молча дошли до лифта. Он нажал кнопку. Двери закрылись, оставив снаружи онемевший офис.

Я прислонилась к стенке лифта, дрожа всем телом. Адреналин отступал, оставляя после себя пустоту и дикую слабость.

– Как… Откуда вы? – прошептала я.

Артём Игоревич вытащил из кармана идеально отглаженный платок и протянул мне

– Ваш… Александр Сергеевич попросил меня подъехать. Он сказал, что ситуация может приобрести нежелательный оборот. Кажется, он был прав.

В его глазах что-то мелькнуло. Не уважение, нет. Скорее, профессиональное признание хорошо отлаженного механизма. Он был тем самым механизмом. Дорогим, точным и безотказным.

Лифт спустился на первый этаж. Мы вышли в холл. Он проводил меня до выхода.

– Вам нужно домой. Отдохнуть. Завтра в десять утра меня ждут на первом допросе. Я буду с вами. Ничего не бойтесь и, главное, ничего не говорите без меня. Помните: пока не доказано обратное, вы не виновны. А доказывать обратное – их работа. И моя – им в этом мешать.

Он кивнул, развернулся и пошёл к своему автомобилю – тёмному, дорогому и неброскому, точно такому же, как он сам.

Я осталась стоять на ступенях, глотая холодный ночной воздух. Слёзы снова накатили на глаза, но теперь это были слёзы облегчения. Меня только что спасли от публичного

унижения, от тюрьмы, от самого страшного кошмара. И сделал это не рыцарь на белом коне, а наёмный боец, присланный моим личным демоном.

Я ненавидела Александра Сергеевича. Но в тот момент, глядя на удаляющиеся задние фары автомобиля Артёма Игоревича Соколова, я поняла одну простую вещь: он сдержал слово. Он не дал меня в обиду. И эта мысль была одновременно самой страшной и самой спасительной в моей жизни.

***

Дверь закрылась с тихим щелчком, и я прислонилась к ней спиной, будто могла таким образом отгородиться от всего мира. Тишина в квартире была оглушительной, давящей. Казалось, ещё секунду назад в ушах стоял гул голосов, скрежет стальных наручников и ровный, властный голос адвоката.

Я прошла в гостиную, не включая света. Город за окном сиял, как ни в чём не бывало. Кто-то праздновал, кто-то спешил домой, кто-то ссорился или мирился. Обычная жизнь. А моя – раскололась на «до» и «после».

Я села на пол, обхватив колени, и почувствовала, как по телу снова проходит мелкая, неконтролируемая дрожь. Проигрывала в голове тот момент снова и снова. Холодный блеск металла. Лицо Станислава Викторовича, отводящего взгляд. Унизительная слабость в ногах. И… распахнутая дверь.

Это была самая странная, самая противоестественная смесь чувств. Панический ужас сменялся жгучей благодарностью, а затем – гнетущим стыдом. Стыдом от того, что меня спасали. И спасителем оказался он. Человек, чьё имя было синонимом всего, против чего я всегда боролась. Сила, связи, деньги – всё, что я презирала в своей наивной вере в справедливость и чистоту технологий, – оказалось единственным щитом.

Я закрыла глаза, и передо мной снова встал образ адвоката Соколова. Его безупречная холодность. Он был инструментом в руках Волкова, идеально отточенным и бездушным. И я была всего лишь задачей, которую нужно было решить. «Не дать посадить Белову». И он решил.

Но что теперь? Адвокат отбил первую атаку, но война не закончена. Меня всё ещё подозревают. Мне всё ещё грозит тюрьма. И за каждую секунду этой защиты, за каждый взгляд Соколова, за каждый его аргумент, который заставлял отступать оперативников, мне придётся платить. И счёт, который выставит Александр Сергеевич, будет огромным.

Я встала и подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Чувство облегчения было таким же острым, как и чувство страха. Я была спасена из пасти зверя, но теперь сама шла на поводке у дрессировщика. И самое ужасное, что в этой кромешной тьме его власть была единственным источником света. И я, зажмурившись, тянулась к нему, ненавидя себя за эту слабость.

Глава 5

Допрос – это не то, что показывают в кино. Это не яркая лампа в лицо и не крики следователя. Это гораздо, гораздо хуже. Это медленное, методичное погружение в ледяную воду, где каждый неверный твой вздох – это пузырь воздуха, за который цепляются, чтобы утянуть тебя глубже.

Кабинет следователя был небольшим, заставленным стеллажами с папками, от которых пахло пылью и старой бумагой. Его звали Олег Петрович, и у него было усталое, абсолютно непроницаемое лицо человека, который видел всё и которого уже ничем не удивить. Рядом, на своём стуле, Артём Игоревич Соколов сидел с видом скучающего профессора на заурядной лекции. Его присутствие было моим единственным якорем.

Началось с формальностей. Установление личности, разъяснение прав. Голос у Олега Петровича был ровным, монотонным, как гул трансформатора. И этот гул начал методично дробить мою реальность.

– Алина Сергеевна, подтвердите, что в ночь с 17 на 18 число вы имели удалённый доступ к корпоративному серверу «Ай-Ти Технолигикс»?

– Я… Да, я иногда подключаюсь дома, чтобы доделать работу.

– И вы не передавали свои учётные данные третьим ли-

цам?

– Нет, конечно.

– А ваш пароль «Alina_Cat_2011» – это достаточно сложный пароль, по вашему мнению?

У меня похолодело внутри. Они знали мой пароль. Тот самый, глупый, который я придумала ещё в университете и из лени не меняла, просто добавляя к нему цифры.

– Я… не думала, что это имеет такое значение, – проговорила я, чувствуя, как горит лицо.

– В деле о хищении коммерческой тайны на сумму, превышающую несколько миллиардов рублей, имеет значение всё, Алина Сергеевна, – парировал следователь, не меняя интонации. – Скажите, вы часто оставляли свой рабочий ноутбук без присмотра? Например, в офисе, отлучаясь на обед?

Я метнула взгляд на Соколова. Он едва заметно кивнул.

– Иногда… да. Но у нас в офисе безопасно.

– Безопасно, – Олег Петрович сделал пометку в блокноте, и скрип его пера был оглушительно громким. – А ваши коллеги? У вас были конфликты с кем-то? Может, с Вадимом Игоревичем из соседнего отдела? Мы располагаем информацией, что он оказывал вам знаки внимания, которые вы… игнорировали.

Это было как удар ниже пояса. Вадим? Его неуклюжие ухаживания, которые мне надоели, и я просто старалась мягко его избегать? Это теперь стало мотивом?

– Это не имеет отношения к делу, – раздался спокойный

голос Соколова. – Вопросы о личных взаимоотношениях моей подзащитной не относятся к предмету доказывания по данной статье. Прошу не уходить от темы.

Следователь посмотрел на него, потом на меня. В его глазах на секунду мелькнуло что-то вроде раздражения.

– Хорошо. Вернёмся к технической стороне. Объясните, пожалуйста, каким образом, по вашему мнению, с вашего IP-адреса, с вашего устройства, с вашим уникальным токеном были осуществлены несанкционированные действия, если вы утверждаете, что не совершали их и не передавали доступ?

Это был главный вопрос. Тот, на который у меня не было ответа. Тот, из-за которого я здесь и оказалась.

– Я не знаю, – прошептала я, и голос мой дрогнул. – Я легла спать. А утром… утром уже всё случилось.

Я чувствовала, как паника, холодная и липкая, поднимается по спине. Они выстроили идеальную цепочку. Мой пароль. Моё устройство. Мой доступ. Моё нежелание менять пароли и запирать ноутбук. Они рисовали портрет идеального, легкомысленного виновника. И этот портрет был моим отражением.

Длилось это вечность. Вопросы сыпались как из рога изобилия: о моих должностных обязанностях, о том, с кем я общалась в последнее время, о моих финансовых делах, о том, не замечала ли я подозрительных личностей возле офиса. Каждый вопрос был иглой, которая должна была найти

слабое место.

И всё это время Артём Игоревич был моей стеной. Он не перебивал каждые пять секунд, он давал мне говорить, но в ключевые моменты его тихий, властный голос останавливал размышления следователя.

– Олег Петрович, вы задаёте наводящие вопросы.

– Это предположение, а не факт.

– Прошу занести в протокол, что вопрос носит провокационный характер.

– Моя подзащитная уже ответила на этот вопрос.

Он не защищал меня эмоциями. Он защищал меня буквой закона. И видя его абсолютную, ледяную уверенность, я по крупицам собирала свою.

В конце Олег Петрович отложил ручку. Он посмотрел на меня своими усталыми глазами.

– На сегодня всё, Алина Сергеевна. Подпишите протокол. Вам запрещается покидать город до окончания расследования. Явка по вызову – обязательна. Помните, что дача заведомо ложных показаний – это отдельная статья.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Мои руки дрожали, когда я подписывала бумаги. Артём Игоревич внимательно прочитал каждую страницу, прежде чем передать её мне.

Когда мы вышли из здания на улицу, меня охватило чувство, похожее на то, что испытываешь, вынырнув из ледяной воды и сделав первый глоток воздуха. Оно было таким же

острым, болезненным и бесконечно желанным. Солнце светило слишком ярко, звуки города казались оглушительными. Я стояла, просто дыша, чувствуя, как дрожь понемногу отступает, сменяясь свинцовой усталостью.

– Это нормально, – сказал Соколов, поправляя галстук. – Первый допрос – всегда самый тяжёлый. Вы держались хорошо. Главное – не поддаваться панике и не говорить лишнего.

– Они… они считают, что это я, – выдохнула я. – У них всё сходится.

– У них сходится цепочка обстоятельств, которую кто-то для них заботливо выстроил, – поправил он. – Наша задача – найти, где в этой цепи слабое звено. А теперь идите домой. Отдохните. О любых контактах со следствием – сразу мне.

Он кивнул на прощание и ушёл своей ровной, уверенной походкой, растворившись в толпе. Я осталась одна на ступенях, с ощущением, что только что прошла через стиральную машину, и меня выбросило на берег, мокрую, измождённую, но живую.

Я потянулась к телефону в кармане, с наивным желанием позвонить кому-то, поделиться этим облегчением. И в этот самый момент, будто почувствовав мою слабость, телефон завибрировал в руке. Незнакомый номер. Но что-то холодное и тяжёлое сжалось у меня в груди. Я знала. Я просто знала, кто это.

Глава 6

Палец сам потянулся к экрану. Я поднесла трубку к уху, и мир вокруг окончательно потерял краски и звуки. Голос в динамике был точной копией того, что хранила моя память. Низкий, обволакивающий, лишённый каких-либо социальных рефлексов — ни приветствия, ни вопросительной интонации. Он просто констатировал факт моего существования на другом конце провода, как хозяин констатирует присутствие своей собаки.

– Ну что, Алина, прочувствовала прелести нашей правоохранительной системы?

Александр Сергеевич.

Одного звука его голоса хватило, чтобы то жалкое подобие облегчения, что я успела почувствовать, испарилось без следа. Дыхание снова перехватило, и в лёгких будто осела ржавая пыль. Он не спрашивал, *как* прошло. Он *знал*. Он знал с какой интонацией следователь задавал вопросы, знал, в какой момент я опускала глаза, знал, возможно, читал стенограмму в реальном времени, сидя в своём кресле из дорогой кожи. Он просто выждал, когда я выйду из здания и останусь наедине с этим «свободным» миром, чтобы позвонить.

Я отшатнулась от потока людей и прислонилась спиной к шершавой, холодной стене какого-то старого здания. Камень был единственной твёрдой и реальной вещью в поплыв-

шем мире. Я вжалась в него, пытаясь заставить дрожь внутри утихнуть.

– Да, – выдавила я, и мои губы едва слушались. – Спасибо за адвоката. Он… помог.

– Артём – специалист своего дела, – произнёс он, и в его ровном, как поверхность озера, голосе я уловила едва заметную рябь — оттенок удовлетворения, с каким коллекционер демонстрирует редкий, безупречно функционирующий механизм. – Дорогой, но стоит своих денег. Но адвокат, детка, это лишь щит. Он защищает от прямых ударов. А чтобы выиграть войну, нужен меч. Нужно найти того, кто этот удар нанёс.

– Следствие будет искать… – начала я, цепляясь за призрачную надежду на систему.

– Следствие будет искать самого очевидного виновника, – его голос рассёк мои наивные иллюзии, как лезвие. Холодно, без эмоций. – А это, на данный момент, – ты. Им так проще. Статистика, отчётность, быстрое раскрытие. Им не нужна истина, им нужен галочный результат. Удобный результат.

Его слова висели в воздухе, тяжёлые и ядовитые, подтверждая все самые чёрные опасения, которые я боялась озвучить даже самой себе. От них стало так холодно, что зуб на зуб не попадал.

– Так что… что делать? – прошептала я, и в собственном голосе услышала ненавистную, знакомую с детства покорность. Голос запуганной девочки на уроке у строгого учи-

теля.

– Тебе нужно вспомнить. Вспомнить всё. Не тот прилизанный сценарий, что ты заучила для следователя. А то, что было на самом деле. Ты сказала, что оставляла ноутбук без присмотра. Кто мог к нему подойти? Кто проявлял интерес к твоей работе? Не зацикливайся только на Вадиме. Кто задавал странные, неуместные вопросы? Кто приходил в офис до рассвета или засиживался допоздна, когда все уже разошлись? Любая, самая ничтожная мелочь может оказаться ключом.

Я закрыла глаза, пытаясь пробиться сквозь плотную, колючую пелену паники, что застилала все воспоминания о последних неделях. Моя прежняя жизнь, с её офисными сплетнями, планёрками и перекурами, казалась нереально далёкой, декорацией из другого измерения.

– Я… не помню. Всё было, как всегда.

– Вспоминай, – его голос приобрёл стальную, наставительную твёрдость, ту самую, что заставляла меня и раньше замирать. – Это не игра в детективов, Алина. Тот, кто это сделал, не просто подставил тебя. Он уничтожил твою репутацию, размазал твоё имя по грязи. Он поставил тебя на грань тюремной камеры. И он сейчас считает, что он умнее. Умнее тебя. И, что забавно, умнее меня.

И здесь в его голосе, всегда таком бесстрастном и расчётливом, впервые прозвучала не просто холодная констатация. Прозвучала личная, острая задетость. Вызов, брошен-

ный ему лично. И от этого осознания стало ещё страшнее. Теперь это была не только моя война за выживание, но и его война за доминирование.

– Я… попробую, – снова прошептала я, уже ненавидя себя за эту слабость.

– Не «попробую». Сделай, – отчеканил он. – Садись дома, в тишине, и пиши. Всё, что приходит в голову. Любую чепуху, любую мимолётную мысль. Ассоциации, обрывки фраз, сны. Потом мы это разберём по косточкам. И, Алина…

Он сделал паузу, натянутую, как струна. Я инстинктивно сжалась, ожидая нового удара, нового унижения.

– Не обольщайся сегодняшним временным успехом. Тебя отпустили на поруки не потому, что ты невиновна. Тебя отпустили потому, что я приобрёл для тебя дорогой и эффективный щит. Пока мы не найдём настоящего преступника, ты – всего лишь временно условно свободная. Помни об этом. Каждую секунду.

Он положил трубку. Резко, без прощаний. Так же, как и всегда.

Я медленно опустила руку с телефоном, который вдруг стал тяжёлым, как булыжник. То хрупкое, соломинкой вытянутое облегчение от завершения допроса было окончательно отравлено, разъедено изнутри. Он снова ясно, без прикрас, обозначил границы моего мира. Напомнил о моём месте. О цене, которая будет предъявлена позже. О том, что моя свобода — это лишь умелая иллюзия, купленная им за его тём-

ные, пахнущие чужим страхом деньги и его ещё более тёмные связи.

Я оттолкнулась от стены и побрела по улице. Люди вокруг спешили, смеялись, спорили. Они были свободны по-настоящему, их жизнь не висела на тонком волоске чужой воли. А я шла домой, не просто измотанная до предела, а отмеченная. На мне было невидимое клеймо, и за моей спиной, в самой густой тени, стоял он. Мой спаситель. Мой тюремщик. Мой единственный шанс выжить в этой игре с ненулевой суммой.

И я ненавидела его за это ещё сильнее, яростнее и отчаяннее, чем когда-либо. Потому что теперь в эту ненависть была подмешана горечь животного, неконтролируемого чувства благодарности и леденящий душу страх. И этот гремучий, противоестественный коктейль был губительнее и опаснее любого известного яда.

Глава 7

Последние несколько часов я провела, словно археолог на раскопках собственной, внезапно обрушившейся жизни. Сидя на полу, заваленного обрывками распечатанных служебных писем, старыми блокнотами и пустыми чашками из-под кофе, я выуживала из памяти каждую мелочь, каждую нестыковку, каждый взгляд, показавшийся мне тогда странным.

Сначала это были обрывки. Бессвязные обрывки: Вадим, предлагающий кофе, когда я уже стояла с полной кружкой. Катя из бухгалтерии, случайно задевшая мой ноутбук и чуть не уронившая его. Новый уборщик, который почему-то всегда задерживался около моего рабочего места. Это казалось паранойей. Абсурдом.

Но потом, когда я начала выписывать всё подряд, даты, имена, события, картинка стала проступать. Словно проявляясь на фотобумаге. Я писала и переписывала, группируя события по дням, по людям, по отделам. Вспомнила, как за неделю до утечки ловила на себе странный, оценивающий взгляд Станислава Викторовича – не злой, а какой-то… отстранённо-аналитический. Вспомнила, как система давала сбой именно в тот день, когда я работала с тем самым финальным отчётом, и как техподдержка, тогда мне показалось, излишне долго копошилась у меня в компьютере удалённо.

Голова раскалывалась от напряжения, глаза слипались, но я чувствовала странное, почти болезненное удовлетворение. Я делала что-то. Я не была пассивной жертвой, которую таскают на допросы и которой диктуют условия. Я сражалась. Пусть пока только на листах бумаги, испещрённых моим почерком.

Когда я поставила точку на последней странице, за окном уже начало темнеть. Я сфотографировала все листы, собрала их в аккуратную стопку и, не дав себе передумать, отправила снимки Александру Сергеевичу коротким сообщением: «Всё, что смогла вспомнить. Отправила».

И тогда наступило то самое, хрупкое и долгожданное спокойствие. Опустошённость, но приятная. Как после тяжёлой, но честной тренировки. Адреналин окончательно отступил, сменившись глубочайшей усталостью. Я приняла долгий, горячий душ, смывая с себя липкий страх прошедшего дня и пыль воспоминаний. Надела старый, мягкий халат, сварила себе чаю и, наконец, выдохнула.

Вечер был моим. Никаких следователей, никаких юристов, никаких мыслей о тюрьме. Просто я, тихая квартира и книга, которую я давно хотела дочитать. Я укуталась в плед на диване, подобрав под себя ноги, и с наслаждением погрузила лицо в страницы, вдыхая запах типографской краски. Всего на пару часов. Всего на одну эту ночь я позволяла себе забыть.

Именно в этот момент, когда мои веки уже начали тяже-

леть, а сознание – уплывать в мир вымысла, на столе, с противным, вибрирующим дребезгом, зазвонил телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.